

— Ну да, ну да. Вспомни наш класс, когда классный руководитель в старших классах захотел рассадить нас один на один, чтобы отличники тянули отстающих, разве староста с компанией не пошли в контратаку? Кто бы, как Чэнь Ли, не побоялся, что его «заразят», да еще взялся опекать двоечников? Какое ему дело до нас, отстающих? Разве не потому, что он как раз в переходном возрасте, когда хочется бунтовать? Другие бунтуют, идя наперекор родителям и учителям, а Чэнь Ли, будучи отличником, не может идти наперекор учителям, вот и ищет выход для своего бунта. И как раз перевелся к нам, вот и прицепился к последним партам?

— Ты не хочешь учиться, а я буду за тобой следить. Если ты на самоподготовке вместо учебы играешь в телефон, я доложу учителю. Ты требуешь извинений, а я не стану извиняться.

Хан Вэй вырос, и если в детстве его еще могли обмануть родители и старшие, то теперь его уже никто не мог обмануть.

Сначала, когда Сюй Син говорил, что Чэнь Ли придирается в классе из-за переходного возраста, он молчал, но в душе думал: «Чушь!»

Однако эта «теория бунта отличника» заставила его замолчать, в основном потому что Хан Вэй почувствовал, что в этом есть доля правды.

Этот Чэнь Ли пришел в первый день, раньше они не были знакомы и не разговаривали, так почему же он прицепился именно к нему на самоподготовке?

Кроме того, тот факт, что он отличник, был подтвержден Лю Ситун и учителем химии, и Сюй Син действительно прав — с такими успехами его должны были бы беречь как национальное сокровище, а Лю Ситун, как известно, ненавидела их, обитателей последних рядов, и вряд ли бы посадила «национальное сокровище» рядом с ними.

Нелогичные вещи трудно объяснить, но анализ Сюй Сина, казалось, как раз подходил.

Хан Вэй не удержался и оглянулся на Чэнь Ли, сидевшего сзади. Раньше он этого не замечал, но теперь, возможно, из-за объяснений Сюй Сина, чем больше он смотрел, тем больше видел, что холодный взгляд и надменность в его манерах действительно похожи на тяжелую стадию переходного возраста.

Повернувшись, Хан Вэй задумался, затем снова взглянул на Сюй Сина:

— Твой брат действительно так сильно переживает переходный возраст?

Нынешние старшеклассники, по сравнению с теми, кто будет через десять лет, действительно легковверны, они кажутся такими наивными и простодушными.

Сюй Син кивнул и продолжил углублять свою «легенду»:

— Ты же видел на уроке китайского? Учителя не было, и он вышел к доске, насмехаясь над всем классом, чуть ли не указывая пальцем на каждого, называя нас бездельниками. Ты видел, чтобы какой-нибудь отличник так поступал? Разве это не переходный возраст?

Хан Вэй задумался, вспоминая, что произошло на вечерней самоподготовке по китайскому.

Сюй Син, видя его выражение лица, подумал: «Брат, не сопротивляйся, твой взгляд ясно говорит, что ты поверил».

И, пользуясь моментом, продолжил:

— Вспомни Сун Фэя.

Хан Вэй вздрогнул, оправился:

— Что с ним?

— Тебе не кажется странным, что Сун Фэй был последним в конце прошлого семестра, а в этом семестре на контрольной он уже почти в середине списка?

Хан Вэй посмотрел на Сюй Сина:

— Ну?

Сюй Син хлопнул его по плечу:

— Это из-за моего брата! Он жил у нас все лето, а Сун Фэй мой друг детства, так что он тоже попал под раздачу. Чэнь Ли буквально указывал на него пальцем и ругал. Поверь мне, когда такой отличник бунтует, это просто ужасно. Сун Фэй любил играть в игры и гонять мяч, а Чэнь Ли забрал у него компьютер, запретил играть в футбол и заставил его читать книги почти все лето. Знаешь, что он читал? Ван Хоусян, Сюэ Цзиньсин, «Пять лет вступительных экзаменов, три года моделирования».

Хан Вэй:

— ... Хватит говорить, это не просто тяжелая стадия переходного возраста, это уже терминальная.

Затем, когда они повернули от перил моста и пошли обратно, взгляд Хан Вэя на Чэнь Ли изменился — он стал явно держаться на расстоянии, кашлянул и пробормотал:

— Ладно, это не так уж важно.

Лучше держаться подальше от этого парня, у него голова болит от одной мысли об учебе, и он не хочет стать вторым Сун Фэем.

Сюй Син засмеялся и подошел к Чэнь Ли:

— Да, все в порядке, это недоразумение.

Говоря это, он встретился взглядом с братом-неформалом.

Чэнь Ли смотрел на него с интересом, но не задавал вопросов. На этот раз он вел себя тихо, и Сюй Син был благодарен за его молчание. Если бы он снова начал ругаться на Хан Вэя, все его усилия по «легенде» могли бы пойти прахом.

Раз Хан Вэй не стал преследовать дело, оно было закрыто.

Сунь Юй подъехал на своем радужном байке, ночью, ради эффекта, надел кожаную куртку и штаны, чуть не задохнувшись от жары, и уже был на грани терпения. Он нажал на газ и громко крикнул:

— Поехали, Хань Вэньюй ждет.

Хан Вэй пошел за своим велосипедом, а Сюй Син уже хотел отказаться, но Чэнь Ли схватил его за руку.

Сюй Син удивился, повернулся к Чэнь Ли:

— Чего?

Чэнь Ли поднял бровь, его слова звучали действительно бунтарски:

— Ты можешь хватать меня за руку, а я не могу тебя?

Сюй Син даже не опустил головы, не глядя на руку, которую держал Чэнь Ли, спокойно сказал:

— Конечно, можешь, хватай, сколько хочешь.

Но в душе подумал: «В конце концов, он все еще ребенок, если его ударили, он ударит в ответ, если его схватили за руку, он схватит в ответ».

Сюй Син просто потакал ребенку, думая: «Ладно, хватай, что тут такого? Если бы ты был на десять лет младше, я бы даже не стал тебя ругать, если бы ты схватил меня за яйца».

Чэнь Ли тем временем, на фоне рева мотоцикла, медленно сказал:

— Пойдем посмотрим.

Сюй Син вздрогнул:

— Что?

Они шли бок о бок, Чэнь Ли все еще держал его за руку, повернул голову и медленно сказал:

— Разве ты не говорил, что нужно встретиться с кем-то?

Сюй Син ахнул:

— Не хочу, пойдем домой, я им скажу...

Чэнь Ли слегка потянул его руку, остановил и твердо сказал:

— Пойдем.

Затем добавил:

— Я пойду с тобой.

Место встречи, назначенное Хань Вэньюем, было недалеко от школы, но и не совсем близко. На велосипеде, если ехать быстро, можно добраться за пятнадцать минут, а на радужном байке Сунь Юя, даже с его медлительностью, можно доехать за десять.

Сунь Юй, который ради эффекта надел кожаную одежду в жаркий день, уже был весь в поту. Как только Хан Вэй разобрался с делом, он, не оглядываясь, уехал на своем байке.

Хан Вэй, под впечатлением от «теории бунта отличника» Сюй Сина, боялся, что Чэнь Ли снова прицепится к нему, и поспешно уехал на своем горном велосипеде, скорость которого почти не уступала байку Сунь Юя.

Оставив Сюй Сина одного с велосипедом на мосту, вдыхая выхлопные газы, он едва не подпрыгнул от злости: «Сунь Юй на байке даже не подумал взять кого-то с собой? На моем велосипеде, собранном из разных частей, кого можно взять?»

Но все уже уехали, и Сюй Син мог только похлопать по заднему сиденью и сказать Чэнь Ли:

— Ладно, садись, я тебя подвезу.

Чэнь Ли посмотрел на велосипед Сюй Сина, затем на него самого, с выражением, которое говорило: «На это даже собака не сядет».

Сюй Син знал, что раньше Чэнь Ли жил в хороших условиях, возможно, даже имел дорогие горные велосипеды, и презирал его старую развалину. Его отношение к пяти миллионам юаней уже говорило об этом, поэтому он просто сказал:

— Сойдет, все необходимое есть.

Чэнь Ли медленно поднял взгляд от колес:

— Ты уверен, что колеса выдержат нас двоих?

Сюй Син задумался, действительно, это было опасно. Его велосипед был старой дешевой моделью, которую мать ему отдала, и он сэкономил, собрав его из частей старого велосипеда отца. Спицы на колесах уже заржавели, и даже когда он ехал один, они скрипели. Если взять с собой Чэнь Ли, возможно, сегодня вечером станет последним днем жизни этого велосипеда.

На самом деле их семья не была настолько бедной, что не могла позволить себе новый велосипед, но раньше Сюй Син ездил на этом велосипеде по уездному городу с востока на запад, и ему это не мешало, поэтому он никогда не менял его.

Раньше это не казалось проблемой, но сегодня, когда нужно было везти Чэнь Ли, он вдруг понял, что велосипед действительно старый.

<http://bllate.org/book/16663/1527767>